

DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-121-127
УДК 811.161

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ УЛЫБКИ КАК ЗНАКА НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА)

© Наталья Шибаетва

FEATURES OF A RUSSIAN SMILE AS A SIGN OF NON-VERBAL COMMUNICATION (BASED ON STORIES BY A. CHEKHOV)

Natalya Shibaeva

Based on stories by the Russian classic A. Chekhov, the article studies the peculiarities of a Russian smile as a sign of non-verbal communication and its types and functions in Russian ethnocultural society. We study semantic groups of combinations with the lexeme *smile* using the contextual analysis of the semantics of lexical units and vocabulary definitions, noting its universal and culturally specific features in Chekhov's texts. For example, the modern researchers' assertion that Russians do not usually smile in everyday life is contrary to the provision on obligatory smiles of courtesy in the Russian etiquette of the 19th century. Moreover, the smile is not always caused by actions that are positively evaluated by society. The analysis of the factual material reveals the functional significance of a smile in transmitting individual and socio-psychological characteristics of a person. The author concludes that a smile acquires a new meaning in Chekhov's stories: a sincere smile appears on people's faces if they perform an act of conscience. The article identifies such qualities as the ability to love and to forgive, to display kindness and soulfulness, to keep faith in God and to be honest and conscientious, which determine Russian communicative behavior in a sociocultural space.

Keywords: non-verbal communication, ethnos, communicative behavior, personality, smile, national model of behavior, text.

В статье изучаются особенности русской улыбки как знака невербальной коммуникации на примере рассказов русского классика А. П. Чехова, рассматриваются ее виды и функции в русском этнокультурном социуме. При помощи методов контекстуального анализа семантики лексических единиц и анализа словарных дефиниций исследуются семантические группы сочетаний с лексемой *улыбка* в творчестве А. П. Чехова, при этом отмечаются ее универсальные и культурно-специфические особенности. Так, утверждение современных исследователей о бытовой неулыбчивости русских вступает в противоречие с положением об обязательности в русском этикете XIX века улыбки из вежливости, характеризующей культурного человека; при этом установлено, что далеко не всегда улыбка вызвана действиями, оцениваемыми обществом положительно. Анализ фактического материала выявляет функциональную значимость улыбки, передающей индивидуально- и социально-психологические характеристики личности. Автором делается вывод о том, что улыбка в рассказах А. П. Чехова наполняется новым смысловым содержанием: искренняя улыбка – следствие поступка по совести, в соответствии с которой русский человек выстраивает свое поведение. В статье также выделяются и иллюстрируются качества, определяющие коммуникативное поведение русского человека в социокультурном пространстве, – способность любить и прощать, проявлять доброту и душевность, сохранять веру в Бога, быть всегда честным и совестливым.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, этнос, коммуникативное поведение, личность, улыбка, национальная модель поведения, текст.

Каждая нация имеет свойственную ей жесткую культуру, отражающую особенности коммуникации, характерные для представителей определенного этноса, которые хорошо знают «её правила и нормы, утверждаемые соответствующими сценариями, и обычно действуют, согла-

суясь с ними» [Крейдлин, с. 344]. В процессе взаимодействия представителей разных этнокультурных сообществ коммуникация нередко оказывается затруднительной в силу «их различного отношения к миру и знания о нем, различного стиля общения с другими людьми и моде-

лей поведения» [Болдырев, с. 5]. В связи с вышеизложенным представляется важным изучение русской невербальной коммуникации в рамках диалога культур на примере лучших образцов классической литературы с целью правильной интерпретации поведения носителей данной культуры, «прочтения» их эмоционального состояния. В данной работе исследуется феномен русской улыбки – «значимой невербальной единицы», служащей «манifestацией этических идей и нравственных ориентиров личности» [Крейдлин, с. 342].

Методами сплошной выборки, контекстуального анализа семантики лексических единиц и анализа словарных дефиниций было проведено исследование употребления лексемы *улыбка* в рассказах А. П. Чехова, роль которого в процессе сохранения русской национальной идентичности и русской цивилизации как феномена неоспорима.

Представленное в данной работе исследование принадлежит к числу тех, результаты которых позволяют на конкретном текстовом материале увидеть, как работает русская поведенческая модель, обусловленная ситуацией, отношениями говорящих и их социальной принадлежностью. Невербальные средства коммуникации в художественном тексте являются значимыми системными актуализаторами, находятся в системной зависимости от вербальных, «помогают как дополнять, так и опровергать вербальные сообщения», выполняя при этом функции «дополнения и усиления сказанного, опровержения вербальных сообщений, замещения речи, регулирования самого хода коммуникации» [Болдырев, с. 38].

Изучением улыбки как «самого экспрессивного мимического жеста» [Крейдлин, с. 345] занимались такие исследователи, как Е. Г. Крейдлин, Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин, А. Вежбицкая, Е. В. Урысон, Т. Г. Стефаненко, Т. Аннушкина, подчеркивающие ее своеобразие в русской лингвокультуре.

По определению З. К. Сабитовой, национальный характер определяется как «совокупность однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний» [Сабитова, с. 322]. В этой связи творчество великого русского классика А. П. Чехова представляет научный интерес, так как под его пристальным вниманием оказывается жизнь обычных людей, их чувства и настроение. А. П. Чехова интересует, какую модель поведения выбирает для себя персонаж в ситуациях нравственного выбора, что движет им в момент принятия жизненно важного решения.

Внутреннее состояние своих персонажей автор часто передает через кинетические средства невербальной коммуникации, а именно через мимику.

Согласно исследованиям, «основную познавательную нагрузку в распознавании истинных чувств человека несут брови и губы» [Руденко, с. 44].

Русская улыбка выполняется при помощи губ, о чем свидетельствуют исследования Ю. Е. Прохорова, И. А. Стернина [Прохоров, Стернин, с. 83], Е. В. Урысон [Урысон, с. 1200], что подтверждается следующими примерами из рассказов А. П. Чехова: *На губах ее играла довольная улыбка* [Чехов, т. 1, с. 260]; *Губы его улыбнулись* [Там же, с. 274]; *Чуть-чуть улыбались одни только губы* [Там же, с. 225]. Персонаж, на лице которого возникает улыбка, служащая признаком приподнятого настроения героя, вызывает симпатию и располагает к общению.

Русская улыбка обязательно «должна иметь вескую причину, известную окружающим» [Прохоров, Стернин, с. 84], так как человек, улыбающийся беспричинно, может вызвать к себе крайне негативное отношение. В рассказе А. П. Чехова «На даче» супруг, придя недовольным с несостоявшегося свидания, выговаривает жене за улыбку, считая, что в сложившейся ситуации нет повода для радости: *Только одни дуры без причины смеются!* [Чехов, т. 3, с. 462]. Персонаж рассказа «Моя жизнь» кажется окружающим странным из-за смеха *без причины*, поэтому на него смотрят *как на пьяного* [Чехов, т. 6, с. 154]. Лексемы *дуры*, *пьяный*, обладающие отрицательной оценкой, используются для характеристики того, чье поведение кажется другим неразумным, не соответствующим общепринятым стандартам: *дура* – «глупая женщина» (обычно бран.) [Ожегов, Шведова, с. 182]; *пьяный* – «одурманенный вином» [Там же, с. 636], где *дурман* – «то, что опьяняет, оказывает отупляющее действие» [Там же, с. 183]. Следовательно, в обоих случаях улыбка без повода, по мнению окружающих, – проявление глупости.

Характерной особенностью улыбки, по мнению Ю. Е. Прохорова и И. А. Стернина, является демонстрация «хорошего отношения и дружелюбия людей» [Прохоров, Стернин, с. 85], так как улыбка обычно является выражением того, что «субъекту нечто приятно» [Урысон, с. 1200].

В словарной статье лексема *улыбка* определяется как «движение мышц лица (губ, глаз), показывающее расположение к смеху (от радости, удовольствия и т. п.)» [Словарь современного русского литературного языка, с. 559]: *Тот радостно улыбнулся, поцеловал у нее руку и вышел*

из спальни [Чехов, т. 1, с. 63]; <...> глядя в глаза Анне Акимовне, он улыбался от удовольствия... [Там же, т. 5, с. 303]; И утомленный своим счастьем, он тотчас же уснул и улыбался до самого утра [Там же, с. 360].

В рассказах А. П. Чехова причинами улыбки могут стать взаимность чувства, осознание своей привлекательности, материальное благополучие персонажа, изменение его социального статуса. Однако далеко не всегда улыбка – следствие поступков, положительно оцениваемых обществом. Так, глагол совершенного вида *улыбнуться* со значением однократности действия в рассказе А. П. Чехова «В море» используется автором для обозначения невербального поведения человека, проигнорировавшего голос совести, продавшего и предавшего таким образом того, с кем сочетался брачными узами. Жажда наживы заставляет персонажа забыть о чувствах, быть настойчивым в стремлении заполучить желаемое любой ценой, несмотря на протесты молодой супруги. Материальная выгода – вот что движет тем, кто превратил брачный союз в торговую сделку.

Таким образом, мысль Е. Г. Крейдлина о том, что русские улыбки «многофункциональны и скрывают за собой ряд смыслов» [Крейдлин, с. 352], находит свое подтверждение в текстах русского писателя-классика XIX века. Следуя классификации, предложенной исследователем, можно выделить несколько семантических групп сочетаний с лексемой *улыбка* в рассказах А. П. Чехова.

Во-первых, это сочетания, обозначающие физические признаки улыбки: <...> она увидела широкую, кроткую, счастливую улыбку и блестящие радостные глаза [Чехов, т. 5, с. 63]. Широкая улыбка предполагает искренность и силу чувств, охвативших человека, под влиянием которых он переживает эмоциональный подъем, сопровождающийся активностью не только губ, но и глаз. Эмоциональная открытость – одна из характерных особенностей невербального поведения русского человека.

Во-вторых, сочетания со словом *улыбка* могут содержать признак «время», поэтому улыбка чеховских персонажей *долгая, вымученная* [Чехов, т. 2, с. 283]; *продолжительная, широкая, немножко глуповатая* [Там же, с. 233]. В обоих случаях длительность анализируемого мимического жеста обусловлена переживаниями человека, который может быть как искренним в проявлении своих чувств, так и достаточно скрытным, делающим вид, что у него все в порядке и о нем не нужно беспокоиться.

Третья семантическая группа сочетаний указывает на социальные признаки:

А) Возраст, который А. П. Чехов использует, описывая улыбку тех, кто по-детски беспечен, но искренен и наивен: *красавица со своей чудной, детски-лукавой улыбкой* [Там же, т. 4, с. 192]; <...> *глядела на солнце со своей детской улыбкой* [Там же, т. 6, с. 402].

Б) Вид ситуации (ситуации приветствия или прощания): *На приветливую, кроткую улыбку княгини и ее вздохи доктор отвечал холодно и сухо...* [Там же, т. 4, 267].

Приветливую улыбку Е. Г. Крейдлин включает «в центр русской этикетной невербальной системы» [Крейдлин, с. 369], связывая с ней различные смыслы – предложение установить коммуникативный контакт, добродушие, радушие и т. д. В рассказах А. П. Чехова приветливая улыбка является одной из самых распространенных: *«Доктор, вы, вероятно, меня не узнаете?» – спросила она, приветливо улыбаясь* [Там же, т. 4, с. 267]; <...> *приветливо и почтительно улыбаясь и делая вид, что он каждую минуту готов перед просителем пасть ниц* [Там же, т. 1, с. 50]. В первом случае появление приветливой улыбки на лице персонажа вызвано его желанием вступить в контакт с собеседником, во втором же – улыбка выступает как знак проявления вежливости и уважения к собеседнику более высокого статуса. Не случайно Е. В. Урысон отмечает, что улыбка обладает свойством этикетности [Урысон, с. 1200].

В ситуациях, требующих ответного приветствия, А. П. Чехов нередко использует одну лексему *улыбнуться*, вполне достаточную для того, чтобы выразить «уважение, почтение, расположение к кому-либо» [Словарь современного русского литературного языка, с. 559]: *В ответ на мое приветствие старушка улыбнулась и сказала: «Очень рада снова видеть вас, сударь!»* [Чехов, т. 1, с. 42]; *Брюнетка улыбнулась и, прищурив глаза, подала новопривывшим руку* [Там же, с. 107]. Следовательно, основное социальное назначение улыбки – демонстрация дружеского расположения к собеседнику, готовности вступить или продолжить общение с ним.

В) Тип социальных и межперсональных отношений – третья подгруппа семантической группы, указывающей на социальные признаки: *И все это Иван Иванович проговорил с жалкой, просящей улыбкой, как будто просил лично для себя* [Там же, т. 6, с. 281]; *По лицу его разлита почтительная, сладенькая улыбочка* [Там же, т. 1, с. 271]. В приведенных примерах А. П. Чехов, характеризуя улыбки своих персонажей, подчеркивает факт того, что участники коммуникации состоят в неравных социальных отношениях, отчего персонаж, чей социальный статус

ниже, старается добиться расположения, а потому проявляет почтение, заискивает перед тем, кто стоит на более высокой ступени иерархической лестницы, отчего его улыбка *жалкая, почтительная*.

Четвертая семантическая группа (самая многочисленная) содержит сочетания, обозначающие психологические признаки:

А) прилагательные, передающие актуальное эмоциональное состояние субъекта, который может быть расслаблен, душевно спокоен, полон положительных эмоций и в то же время сосредоточен, взволнован происходящим: *<...> на лице Меркулова плавала блаженная улыбка, на смеющихся глазах блестели слезы ...* [Там же, т. 2, с. 10]; *Его бледное лицо стало некрасивым от напряженной улыбки* [Там же, т. 5, с. 166];

Б) прилагательные, выражающие постоянные свойства и обычно характеризующие человека в рассказах А. П. Чехова с положительной стороны: *<...> вспоминалась ей его обычная, кроткая, покорная улыбка* [Там же, с. 69]; *<...> на лице постоянно играла наивная улыбка* [Там же, т. 6, с. 398]; *<...> все время глядела на него весело, с доброй, радостной улыбкой* [Там же, с. 424];

В) слова, описывающие соответствие / несоответствие улыбки реальному психологическому состоянию улыбающегося: *Насильно улыбаясь и с преувеличенной развязностью приказчик быстро ведет Поленьку...* [Там же, т. 3, с. 171]; *<...> священник начал принужденно улыбаться...* [Там же, т. 2, с. 283]. Такой вид русской улыбки соотносится с понятием «дежурной» улыбки, нехарактерной, как замечают исследователи, для представителей современной России: «не принято улыбаться в напряженной ситуации – „не до улыбок“» [Прохоров, Стернин, с. 85], когда у людей «серьезные огорчения, кто-то болен, озабочен личными проблемами и т. д.» [Там же]. Улыбка в таких обстоятельствах свидетельствует о скрытности человека, его нежелании раскрыть свои истинные чувства из-за боязни выглядеть в глазах других невоспитанным. Это вполне объяснимо, поскольку этикет XIX века требовал от человека более строгого соблюдения общественных норм.

В рассказах А. П. Чехова можно встретить и другие примеры несоответствия улыбки реальному эмоциональному состоянию персонажа.

Так, в рассказе «Дачники» молодые супруги, удивленные приездом многочисленных родственников, вынуждены скрыть свое недовольство за маской радушных хозяев, которые сердечно рады приезду гостей: *И, обернувшись к гостям, она сказала с приветливой улыбкой: «Милости просим!»* [Чехов, т. 2, с. 62–63]. Приветливая

улыбка выступает знаком радушия и гостеприимства со стороны тех, кто обязан чтить семейные обычаи. Но в данном контексте эти чувства фальшивые, поэтому неискренней является и улыбка.

В рассказе «Жена» супруги, ставшие чужими друг другу, вынуждены соблюдать правила этикета, продолжая играть роль счастливой в браке пары: *Теперь, когда мы случайно встречались внизу в коридоре или на дворе, я кланялся, она приветливо улыбалась...* [Там же, т. 5, с. 8]. Приветливая улыбка в данном случае лишь проявление учтивой вежливости, но не уважения и любви.

Следовательно, можно утверждать, что для русского этикета XIX века вежливая улыбка была характерной чертой воспитанного человека. Данной точки зрения придерживается и Т. Г. Стефаненко, исследовавшая особенности невербальной коммуникации персонажей романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и выражавшая несогласие с И. А. Стерниным в том, что «касательно России XIX века... в русском коммуникативном поведении не принята „вежливая улыбка“ или „дежурная улыбка“» [Стефаненко, с. 15]. Примеры из рассказов А. П. Чехова – яркое тому свидетельство: *<...> глядел и улыбался из приличия* [Чехов, т. 2, с. 307]; *Он улыбался, но больше из вежливости, чем от удовольствия...* [Там же, т. 5, с. 188]; *Г-н учитель чуточку, приличия ради, улыбнулся и вежливо указал на стул* [Там же, т. 1, с. 192]. Улыбка в данных контекстах выступает знаком вежливости, сигнализирует о знании персонажами правил приличия, культуры невербального поведения русского этнокультурного социума.

Г) Последнюю подгруппу представляют собой слова, дающие оценку улыбке при ее восприятии: *<...> и я тоже почувствовал на своем лице приятную, неискреннюю улыбку* [Там же, т. 5, с. 361]; *<...> она улыбалась, и мне не нравилась эта ее улыбка* [Там же, с. 227]; *<...> делала она их с милою, снисходительною улыбкой...* [Там же, т. 6, с. 114]. Когда человек искренне выражает свои чувства, то в глазах окружающих его улыбка по-настоящему красива. Красивая улыбка освещает лицо человека тогда, когда его душа спокойна, а это возможно для героев А. П. Чехова лишь в том случае, если они строят свою жизнь, руководствуясь голосом совести, следуя своим внутренним убеждениям.

В рассказах писателя-классика безусловная нравственная ценность – это любовь. Когда человек любит, он в максимальной степени проявляет все свои положительные качества. Любовь как проявление духовности – первый признак

нравственно здорового человека, который тем не менее может поступиться своими принципами ради любви. Однако в этом случае нарушение закона совести не приводит его к внутреннему конфликту благодаря чувству любви, которое возвышает человека, наполняет его жизнь смыслом.

По свидетельству Е. Г. Крейдлина, «в норме русское „позитивное“ лицо должно быть теплым, подвижным и экспрессивным» [Крейдлин, с. 364].

Княгиня Кандурина из рассказа А. П. Чехова «Пустой случай», увидев князя, в которого была влюблена и за которого в юности хотела выйти замуж, <...> не отрывала глаз от его фигуры. Трудно описать восторг и страдание, какими светилось ее некрасивое лицо. Ее глаза улыбались и блестели, губы дрожали и смеялись, а лицо тянулось ближе к стеклам [Чехов, т. 3, с. 14]. «Культурная маркированность лица» определяется метафорой света: лексема *светилось* имеет переносное значение «проявляться (о радостном чувстве, которое обнаруживает себя выражением лица, взглядом)» [Ожегов, Шведова, с. 702]; лексема *блестели* употребляется в значении «ярко светиться, сверкать, излучать отраженный свет» [Там же, с. 61]. Динамика чувств передается через указание на одновременно переживаемые героиней противоположные эмоции – восторга и страдания. Как отмечает Е. В. Урысон, чувство восторга может иметь «характерные внешние признаки», одним из которых является «самозабвенное выражение лица» [Урысон, с. 145]. «Ряд восхищаться и восторгаться ставит в фокус внимания сильную положительную эмоцию» [Там же]. В свою очередь *страдание* – «физическая или нравственная боль, мучение» [Ожегов, Шведова, с. 771], которое связано с сильными душевными переживаниями. Глаголы несовершенного вида *улыбались*, *блестели*, *дрожали*, *смеялись* обозначают действия без указания на его предел, в связи с чем можно говорить о длительности чувства, охватившего героиню, благодаря которому ее лицо изменилось. А. П. Чехов подводит нас к мысли о том, что любовь преобразует человека, оказывает положительное воздействие. Любовь – чувство, заставляющее человека испытывать самые сильные положительные эмоции: *Она опьянела от нашего счастья и улыбалась, будто вдыхала в себя сладкий чад...* [Чехов, т. 6, с. 156].

Любовь есть основа жизни. А. П. Чехов говорит о разных видах любви – к мужчине, к детям, к ближнему. Независимо от того, какая это любовь, она всегда оправдана автором, чьи персонажи вызывают симпатии, оттого что их любовь

чиста. Так, Пелагея, героиня рассказа А. П. Чехова «Егеря», встретив на дороге егеря, за которого она вышла замуж по любви, но который больше всего на свете ценит свободу и поэтому не обременяет себя семейной жизнью, не может сдержать своей искренней радости: <...> *стыдясь своей радости, закрывает рукой улыбающийся рот* [Там же, т. 2, с. 82]. В рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья» Дымов безумно любит свою жену, оттого на лице его можно было видеть *широкую, кроткую, счастливую улыбку и блестящие радостные глаза* [Там же, т. 5, с. 63]. В рассказе «У знакомых» А. П. Чехов, описывая свою героиню, отмечает особенности невербального поведения девушки, которая влюблена и поэтому счастлива: *Она не видела Подгорина, но, вероятно, чувствовала его близость, так как улыбалась, и ее бледное лицо, освещенное луной, казалось счастливым* [Там же, т. 6, с. 474].

Русского человека отличает не только сила любви, но и доброта души. Саша Смирнов, персонаж рассказа А. П. Чехова «Произведение искусства», не имея возможности заплатить доктору за свое спасение, в знак благодарности просит принять канделябр – самое дорогое, что у них с матерью осталось после смерти отца. Желание достойно отблагодарить доктора требует от юноши много усилий, которые в результате увенчались успехом: *Он улыбался, сиял, и вся его фигура дышала счастьем...* [Там же, т. 3, с. 104–105].

Как можно заметить, метафора света достаточно частотна в произведениях А. П. Чехова. Глагол *сиять* передает идею света и употребляется в переносном значении «блестеть, выражая какие-нибудь радостные чувства (о глазах), или светиться радостью, счастьем, любовью (о лице)» [Ожегов, Шведова, с. 719]. Когда человек несет в себе Добро, Любовь, то есть живет по законам совести, его душа светла.

Доброта, душевность – не единственные качества, определяющие поведение русского человека. Большую роль в формировании русской нации на протяжении всей истории русского народа играла православная вера. Русский писатель-классик А. П. Чехов отмечает в характере своих персонажей такую глубинную черту, как религиозность. Когда человек верует, он счастлив: <...> *и он (тогда его завали Павлушей) ходил за иконой без шапки, босиком, с наивной верой, с наивной улыбкой, счастливый бесконечно* [Чехов, т. 6, с. 427].

Долг верующего человека – прощать своего ближнего, не помнить о нанесенных обидах, жить в соответствии с живой, христианской верой: <...> *нет выше наслаждения, как всюду но-*

сить с собою теплоту, свет и радость, прощать обиды и приветливо улыбаться врагам [Там же, т. 4, с. 275].

Русский человек может быть разным. А. П. Чехов не утверждает обязательной высокой нравственности в каждом. Многие персонажи рассказов А. П. Чехова далеки от того, чтобы считаться положительными героями. Они совершают ошибки, обманывая, предавая, забывая о сострадании и человечности. Нарушая законы совести, персонажи А. П. Чехова улыбаются, но на их лицах присутствуют улыбки иного рода – надменная, презрительная, кислая. Автор фиксирует наше внимание на том, что, совершив какой-либо проступок, человек улыбается *конфузливо, горько, глупо*.

В рассказе А. П. Чехова «Первый любовник» Евгений Алексеевич Поджаров, хвастаясь перед товарищами своими победами над женщинами, выдумывает историю о соблазненной им девушке, чей родственник ловит его на обмане, заставляя признать свою вину. Для Поджарова это кажется невозможным: боязнь «потерять лицо» в присутствии окружающих вынуждает его улыбаться *насилно, презрительно*, стараться сохранять спокойствие. Однако в его душе зреет внутренний конфликт оттого, что поступил вопреки закону совести. Для характеристики невербального поведения персонажа в ситуации нарушения им общественных норм автор использует лексические единицы, обозначающие чувства человека (*сильнейшее беспокойство, чувство беспокойства, измучился*); дает описание жесту (*пожимал плечами, голову тянуло вниз*), мимики (*презрительно улыбался, глаза виновато мигали*).

Чтобы вернуть утраченное душевное спокойствие, актер принимает решение – извиниться за свое недостойное поведение: *Актер улыбнулся, помялся и заговорил заикаясь: «Я... я сознаю... Я солгал...»* [Там же, т. 2, с. 432]. Улыбка в данной ситуации выступает в роли жеста-расположения, способного оказать влияние на решение собеседника – простить виновного или нет.

По мнению Ю. Е. Прохорова, И. А. Стернина, «гуманность, душевная мягкость – важнейшие установки русского сознания. Русское сознание по-доброму относится ко всем окружающим людям – „с людьми надо по-хорошему“» [Прохоров, Стернин, с. 59].

Поджаров получает прощение от помещика, в чьи уста А. П. Чехов вкладывает то, что для русского человека не подлежит сомнению: *Ничто так не унижает человека, как ложь...* [Чехов, т. 2, с. 433]. Слушая благодушные наставления своего собеседника, Поджаров *кратко улы-*

бался. Улыбка – свидетельство того, что персонаж А. П. Чехова смог признать свою ошибку: *<...> он уже чувствовал себя вне опасности и в отличном настроении* [Там же]. Руководствуясь внутренними убеждениями, следуя голосу совести, Поджаров исправляет допущенную им ошибку, в результате чего обретает душевное спокойствие и внутреннюю гармонию.

Таким образом, улыбка выступает как показатель скрытых для непосредственного наблюдения индивидуально- и социально-психологических характеристик личности, активно действующей в заданном этнокультурном пространстве, поскольку она не может существовать вне нации – особого антропологического, физического и духовного единства, так как человек всегда выступает как деятель, руководимый определенными идеями, волевыми импульсами, настроениями, чье сознание обусловлено его национальной принадлежностью. Национальная специфика определяется не столько тем или иным набором качеств, формирующих личность типичного представителя нации, сколько иерархией этих качеств в ценностной парадигме.

Русская улыбка с семантической точки зрения несет различные смысловые нагрузки, при этом в рассказах А. П. Чехова она приобретает новый смысл: искренняя улыбка на лице персонажей всегда является следствием поступка по совести, в соответствии с которой русский человек и выстраивает свое поведение, следуя этнически заданному сценарию в ситуациях нравственного выбора, демонстрируя при этом «вежливость», «регулятивность», «конфликтность», «оценочность и категоричность» в общении [Сабитова, с. 346–347].

Список литературы

- Болдырев В. Е. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Курс лекций. М.: Русский язык. Курсь, 2010. 144 с.
- Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
- Руденко А. М. Деловые коммуникации: учебник. Ростов н / Д.: Феникс, 2013. 350 с.
- Сабитова З. К. Лингвокультурология: учебник. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 528 с.

Словарь современного русского литературного языка. Москва-Ленинград: Издательство «Наука», 1964. Т. 16. У-Ф. 1610 с.

Стефаненко Т. Г. Улыбка и высококонтекстность традиционной русской культуры // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 13–18.

Урысон Е. В. Улыбка, усмешка, ухмылка // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 1199-1203.

Чехов А. П. Собрание сочинений в восьми томах. М.: Библиотека «Огонек», издательство «Правда», 1972.

References

Boldyrev, V. Ye. (2010). *Vvedeniie v teoriuu mezhkul'turnoi kommunikatsii. Kurs lektsii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication. A Lecture Course]. 144 p. Moscow, Russkii iazyk. Kursy. (In Russian)

Chekhov, A. P. (1972). *Sobraniye sochinenii v vos'mi tomach* [Collected Works in Eight Volumes]. Moscow, Biblioteka “Ogonek”, izdatel'stvo “Pravda”. (In Russian)

Kreidlin, G. Ye. (2002). *Neverbal'naia semiotika: Izyk tela i iestesvennyi iazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. 592 p. Moscow, Novoie literaturnoe obozreniie. (In Russian)

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. 944 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A. (2006). *Russkii: kommunikativnoie povedeniie* [Russians: Communicative Behavior]. 238 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

Rudenko, A. M. (2013). *Delovye kommunikatsii: uchebnik* [Business Communications: A Textbook]. 350 p. Rostov na Donu, Feniks. (In Russian)

Sabitova, Z. K. (2015). *Lingvokul'turologiia: uchebnik* [Linguoculturology: A Textbook]. 528 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka. (1964) [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Т. 16. У-Ф. 1610 p. Moscow-Leningrad, Nauka. (In Russian)

Stefanenko, T. G. (2014). *Ulybka i vysokokontekstnost' traditsionnoi russkoi kul'tury* [The Smile and High Context of Traditional Russian Culture]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. No. 2 (14), pp. 13–18. (In Russian)

Uryson, E. V. (2003). *Ulybka, usmeshka, ukhmylka* [Smile, Grin, Sneer]. *Novyi ob'iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka*. Pp. 1199–1203 Moscow, Shkola “Iazyki slavianskoi kul'tury”. (In Russian)

The article was submitted on 16.09.2019

Поступила в редакцию 16.09.2019

Шибеева Наталья Борисовна,
старший преподаватель,
Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
603155, Россия, Нижний Новгород,
Минина, 31.
shibnataly@mail.ru

Shibaeva Natalya Borisovna,
Assistant Professor,
N. A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod
State Linguistic University,

31A Minin Str.,
Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation.
shibnataly@mail.ru